

Витторио Страда

Пространство, время, менталитет

При определении того или иного национального характера или того или иного менталитета следовало бы прежде всего поставить вопрос о самой возможности подобной операции и о способах ее осуществления. Правда, уже существует множество определений того или иного характера или того или иного менталитета, так что вопрос о возможности определения этих сущностей может показаться праздным и поэтому можно подумать, что задача сводится лишь к добавлению нового определения к уже существующим. Согласимся, однако, что определение национального склада ума дело настолько сложное, а уже имеющиеся определения настолько разные и часто противоречат друг другу, — что оправдывают и даже требуют предварительного размышления, чтобы по крайней мере уточнить приемы, при помощи которых проводится частично или полностью новое определение.

Первый уровень определения национального характера состоит в общепринятых в народном воображении клише и стереотипах, как они представлены в пословицах, анекдотах, а также в форме более изощренных по видимости журналистских штампов. Очевидно, что это низший уровень, вовсе, однако, не означающий, что он не заслуживает внимания: ведь уже здесь обнаруживается некоторое, пусть упрощенное, а зачастую и искаженное, понимание так называемого национального характера. И уже здесь возникает различие, наличествующее и на более высоких уровнях такого определения: с одной стороны, это автостереотип, то есть представление о самом себе целого народа или какой-то его части в определенный момент, а с другой — гетеростереотип, то есть способ, посредством которого создается образ-клише другого народа.

Второй уровень определения можно назвать националофильским или националофобским, означающим эмоционально-подчеркнутую стилизацию какой-то одной нации: можно создать сусальный образ, почти иллюстрированную открытку для туристов, или же образ мрачный, почти политический карикатурный

плакат. Национализм — это высшая степень такого позитивного образа самих себя с одновременно негативным образом народа, воспринимаемого как враждебный своему собственному. Однако определение в националистическом духе диктуется не только эмоциональным отношением (любовь-ненависть), но и явными или скрытыми интересами определенных социальных групп, использующих образ своей страны (и противоположный образ другой страны) в целях гегемонии внутри собственной страны, а также и вне ее.

Третий уровень определения можно назвать литературно-импрессионистским. Он тоже связан с известными стереотипами и известной эмоциональностью, но движим большей свободой и прямо не отвечает частным интересам. На этом уровне собственная или чужая страна определяется в ее специфичности посредством своего рода экзистенциального сопереживания, свойственного автору такого определения, причем иногда его результаты имеют большое познавательное и художественное значение. В наиболее заурядных случаях, когда автор такого литературно-импрессионистского определения не творец в полном смысле слова, дело идет об определении вторичного характера, сделанном специалистом, опирающимся в основном на литературные произведения. Нередко в таких случаях им дается не то чтобы произвольное, а скорее поверхностное истолкование и общие черты характера нации извлекаются прямо из литературных персонажей.

Как можно понять, эти три уровня определения иррефлексивны, непосредственны, спонтанны, то есть не ставят перед собой проблему возможности и способов определения национального характера, о чем я говорил вначале. Эта проблема с неизбежностью возникает, когда такого определения ищут, в основном в неявном виде, историки и вообще ученые из области социальных наук. Тогда становится ясно, что определить характер или менталитет народа или нации — значит проследить историю этой нации и вычленив ее культуру. Конечно, на этом уровне

перечисленные выше нижестоящие уровни могут вновь предстать в научном или псевдонаучном виде, но в сфере истории свободная критическая мысль позволяет лучше выявить их внутреннюю слабость и порочность их претензий на “истинное” определение национального характера или менталитета. Только там, где изучение истории не свободно, а подчинено националистической тотальной идеологии, доминирует тот или иной стереотип. Ясно, что в таком случае мы имеем дело с лжеисследованиями и лжеисторией и что в таких условиях нация скатывается на донаучный уровень.

В плане исторических исследований две основополагающие категории действуют и в отношении интересующей нас проблемы: это категории пространства и времени, которые применяются и при определении национального менталитета или характера. Часто те, кто пытается определить национальный характер, не могут избежать искушения отдать предпочтение первой категории — пространству, причем этому искушению особенно подвержены те, кого занимает русский национальный характер. В этом случае русское пространство с его бескрайними просторами стало своего рода общим местом, которое должно бы в основном объяснить менталитет обитателя этого пространства, его затерянность в нем, его кочевую неукорененность. Отбросив общее место, надо признать, что русское пространство — существенный момент определения русского характера. Но надо пытаться не впадать в своего рода географический детерминизм или идеологизацию географии, как будто пространство представляет собой статически-неизменную данность. В действительности же, и в случае России, пространство — это динамическая величина, что означает не только то, что оно органически связано со временем, но, как мы увидим дальше, самое отношение пространства и времени между собой в России никогда не было одним и тем же.

В самом деле, очевидно, что русское пространство оказалось очень растяжимым, в том смысле, что в течение веков его протяженность возросла в результате экспансии и колонизации. Очевидно также, что пространство домодерной эпохи коренным образом отличается от пространства эпохи века техники телекоммуникаций, которая “сокращает” пространство, преодолевая огромнейшие по старым меркам расстояния. Все это не может не сказаться на менталитете обитателя этого пространства. Следует, кроме того, иметь в виду, что исторически пространство — всегда объект организующего его структурирования. С этой точки зрения мы можем определить государство как орган, придающий форму определенному пространству, устроявая его изнутри и фиксируя его внешние границы. И любое

государство, включая русское, обладая константами, характеризуется дискретностью, то есть развивается. Это означает, что его воздействие на пространство происходит во времени, производя изменения в менталитете тех, кто обитает в определенном пространстве-времени.

В русском случае самым показательным, на мой взгляд, является другое. Россия, доведя устройство пространства в расширительном направлении до определенной степени развития и придав ему, как и другие европейские и неевропейские государства, авторитарно-монархическую форму, — должна была считаться с другим пространством, на аннексию или захват которого она не могла претендовать и которое бросало вызов самому ее существованию. Это то, что обычно называют Европой или Западом, прибегая именно к пространственному понятию, тогда как это главным образом понятие временное, так как в конце XVII — начале XVIII века европейское или западное пространство — это пространство Нового времени, пространство модерности — радикально новое, по отношению к традиционному, пространство-время. И вот в это-то время в России происходит инверсия в отношении пространства и времени и наоборот: второе — время — доминирует над первым — пространством. Конечно, пространственная экспансия имперской России не прекращается, но первой задачей для нее становится ее, так сказать, темпоральная экспансия, то есть ее модернизация.

Вывод из этих предварительных соображений следующий: для определения национального характера или менталитета, особенно в исключительно сложном российском случае, необходимо обращаться к пограничной дисциплине, которую я определил бы как сравнительную геокультурную историю. В ней географическое пространство является переменной компонентой, меняющейся в историческом развитии, как историческое время является условием изменчивости географического пространства, конкретным способом его воздействия на своего обитателя. Что же касается сравнения, очевидно, что при изоляции, да еще абсолютизации мнимого национального характера, понимаемого как концентрация всех добродетелей или всех пороков, то создаются интеллектуально убогие псевдообразы, значение которых чисто инструментальное, то есть националистическое (в позитивном и негативном смысле). Можно добавить, что и эти псевдообразы являются полезным материалом для тех, кто подходит к анализу определенного национального характера или определенного менталитета критически: ведь все национализмы в определенном смысле похожи в своей претензии на превосходство, но каждый национальный национализм обладает

специфичностью, помогающей лучше понять определенную национальную культуру.

Поставив проблему менталитета или национального характера на методологически критическую почву, мы можем отдать себе отчет в том, насколько она сложна. Но мы можем также поставить первый конкретный вопрос, который покажется странным тому, кто эту проблему рассматривает теми тремя способами, о которых я говорил вначале. Вопрос такой: когда сформировался русский национальный характер (или русский национальный менталитет)? С националистической точки зрения, неважно, наивной или агрессивной, вопрос может звучать нелепо, ибо характер этот будто бы дан изначально, в том по крайней мере смысле, что он уже существовал частью в актуальной, частью в потенциальной форме с момента появления Руси; впоследствии он только все больше и лучше раскрывался. Я же полагаю, что, если вопрос об историческом моменте формирования национального характера (или менталитета) справедлив для любой нации, тем более он справедлив для России, нации европейской, которая, при всем своем единстве, переживала периоды радикальной ломки подчас катастрофического характера.

Периодом формирования русского национального характера был период, когда произошла, как уже было сказано, инверсия в иерархии отношений пространства и времени, а именно, на рубеже XVII — XVIII столетий. Как характеризовать эту эпоху с точки зрения формирования русского характера и менталитета? Говоря в нескольких словах, это был весьма своеобразный переход от средневекового менталитета к менталитету Нового времени, переход резкий и насильственный и одновременно медленный и неполный. В результате создалось двоекультурье, причем более опасное, хотя и более продуктивное, чем прежде. Двоекультурье предшествующего периода складывалось из пережитков праславянской языческой культуры и христианской религиозности в ее специфическом варианте восточного христианства. Теперь же, начиная с XVIII века, возникает двойная культура, в которой христианско-языческая религиозность архаически-средневекового типа соотносится с западного типа секуляризацией, связанной сначала с Просвещением, а затем с романтизмом. Такое двоекультурье — весьма благодатная почва для особого типа утопизма — религиозно-светских проектов глобального характера. Это дифференциация не только культурная, но и социальная, между верхами и низами общества, но такая, которая предполагает и единство, пусть и сопровождающееся драматической напряженностью, чему свидетельством вся русская культура и литература — от Карамзина и Пушкина до

Ключевского и Блока, где прошлое и настоящее, христианство и секулярность, средневековье и модернность сосуществуют в самых разнообразных сочетаниях и в самом разнообразном соседстве. Конечно, нужно аналитически продемонстрировать, на фоне других национально-исторических ситуаций, что значит для России средневековье по сравнению с модерностью и наоборот в свете общей теории религиозности и секуляризации. Я ограничусь здесь этим определением русского национального характера и менталитета не в их окончательной форме, а в фазе их складывания, по отношению к которой допетровская фаза была подготовкой.

Говорить о национальном характере и менталитете значит также говорить о национальной идентичности. Идентичность всегда динамична и не может быть закреплена за метафизической ипостасью, как это делают поборники извечной России. В случае России я стал бы говорить не столько о динамической идентичности, сколько о полиидентичности, иными словами, о драматическом соприсутствии разных национальных “Я”. Подчеркиваю, национальных, ибо таковыми являются как сильные средневековые пережитки, так и не менее мощные силы модернизации. Впрочем, поли- или множественная идентичность — это характеристика человека нового времени, что особенно ярко отражено в европейской литературе нашего столетия. Недаром Достоевский, в произведениях которого русская национальная полиидентичность проявилась с предельной силой и глубиной, был воспринят в Европе как наиболее близкий ей по духу писатель, а его творчество оказало наибольшее, может быть, влияние на всю европейскую и мировую литературу и культуру в целом.

Идея полиидентичности русского характера и менталитета находит новое подтверждение во втором в истории России переломе, пожалуй, превосходящем по последствиям тот, который произошел в этой стране в начале XVIII века, хотя его направленность была совершенно другая, так как общество не дифференцировалось, а подвергалось нивелировке в рамках не национального, а метанационального или, скорее, анационального горизонта, и не секуляризации, а дехристианизации и атеизации всей страны. Я имею в виду превращение России в СССР или в одну из его частей. Здесь встают проблемы огромной сложности, которых я не могу даже касаться, проблемы, затрагивающие преемственность и разрыв между Россией досоветской и советской. По-моему, очевидно, что в общеисторическом плане, а главным образом в плане национального характера и менталитета момент разрыва здесь преобладает над преемственностью и результат этого виден в том, что получило название “советского человека” (между прочим, не смешивать с совком, который представляет собой финальную

деградированную фазу “классического” советского человека, если позволительно такое выражение). Это привело к новому двоекультурью: с одной стороны русская культура, с другой — советская. Полиидентичность русского характера и менталитета особенно очевидна в нынешней, постсоветской, с политико-институционной точки зрения, фазе, в которой, однако, еще преобладают пережитки советскости. Сейчас начинается история того, что я называю Четвертой Россией — после средневековой языческо-христианской Руси, современной секуляризованно-христианской России и России, “сбившейся с пути”, советского периода. Эта Четвертая Россия еще неопределенна с точки зрения своего характера и менталитета, забитых обломками прошлого и не имеющих ясных перспектив на будущее. В современной России для отношения пространства и времени устанавливается новое, полное напряженности равновесие: Россия, коль скоро прекратилась ее протяженность имперского типа, должна обрести новую пространственную (территориальную) идентичность, которая все еще зыбка, и новую временную (духовную) идентичность, которая пока еще непрочна, как никогда в прошлом, то есть идентичность, которую мы в целом определим как геокультурную. Можно предвидеть, что образуется относительно новый тип русского характера и менталитета. При этом очень важна, как для предшествующих фаз формирования русского характера и менталитета, особая культурная ситуация в мире, не без основания названная постмодерной. Россия — текст, который непрерывно строится внутри

определенного меняющегося контекста и во взаимодействии с ним.

Здесь я хотел бы проиллюстрировать тезис о рождении русского национального характера беглым размышлением о театре Пушкина, предложив параллель между “Борисом Годуновым” и маленькими трагедиями, чему посвящена одна моя работа. В “Борисе Годунове” средневековая Россия присутствует мощно и одновременно в нем показано зарождение первого русского индивидуалистического характера, типичного для эпохи модерности, — характера авантюриста-самозванца. В маленьких трагедиях выявлены основные характеры “модерности”, с проблематикой, типичной для посттрадиционного общества, характеры по происхождению западно-европейские, но пропущенные через глубоко русское восприятие. Короче говоря, на самое творчество Пушкина, а также на русскую классическую литературу в целом можно смотреть как на взаимодействие двух миров с присущими им ментальностями и системой ценностей, но при этом в их органическом единстве. Это взаимодействие мира традиционного, средневекового, в его специфическом православном варианте, и мира модерности, секуляризованного, в его специфическом новорусском варианте. А что касается современной русской религиозности, то она рождается от контакта этих двух миров, от созидательно-разрушительной напряженности между ними.